

ХОЗЯЕВА И ГОСТИ

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МОСКВА, 1939 ГОД

Татьяна Алексеева (Пигарева)

Татьяна Ивановна Алексеева (урожд. Евтихеева) (1919–2002). Родилась в Саратове в семье профессора Московского университета. Закончила Московский институт прикладного искусства, затем аспирантуру при Академии художеств под руководством скульптора В.И. Мухомовой. Много лет работала в Музее МХАТ.

С 1939 г. была замужем за правнуком Ф.И. Тютчева Н.В. Пигаревым, с которым воспитала трех сыновей. Вторым мужем Татьяны Ивановны был правнук поэта Е. Боратынского Матвей Архипович Алексеев. Таким образом, в ее биографии перекрестились судьбы представителей родов Тютчевых и Боратынских, с которыми неразрывно связана история музея-усадьбы Мураново.

...В январе 1939 года на Рождество меня пригласили на елку к моему дяде Федору Александровичу Пермякову. Дядя с семьей несколько лет жил на даче в Муранове. Мураново — дом-музей имени поэта Тютчева, где во флигеле музея проживали потомки поэта. Там завязалось знакомство и дружба между этими семьями.

У дяди в этот вечер были двое из «Тютчевых», дети внучки поэта Екатерины Ивановны Пигаревой — Ольга Васильевна и Николай Васильевич Пигаревы. Ольга была старше меня, она дружила с моей двоюродной сестрой Галей, Николай Васильевич был моложе сестры, он обратил свое внимание на меня. Мы много танцевали, так как оба были азартными танцорами. Николай Васильевич проводил меня домой и попросил разрешения позвонить по телефону. Тем временем тетя уведомила маму о желании Николая Васильевича познакомиться с нашей семьей, на что мама дала свое согласие. Николай Васильевич стал у нас частым гостем. Он в то время учился в Тимирязевской академии. До этого он получил прекрасное домашнее образование и воспитание, знал языки, играл на рояле, хорошо танцевал. Он увлекался изготовлением миниатюрных предметов из папье-маше. Мне он подарил чайный сервиз размером чуть больше пятикопеечной монеты. Между нами завязалась шуточная переписка, мы ходили в театр, консерваторию, на художественные выставки.

Я родилась 19 апреля 1919 года и всегда ожидала от этого числа значительных событий. Я предсказала сама себе, что 19 апреля, когда мне исполнится 19 лет, я или умру, или стану невестой. Когда наступил этот день, Николай Васильевич пришел меня поздравить. У нас были гости. Он уходил последний. Я пошла его провожать. На лестнице мы долго разговаривали, и он никак не уходил. В руках он держал книги. Перекладывая их, он одну книгу уронил и неожиданно бросил остальные, обнял меня и поцеловал. Это выяснило наши отношения. Нас объявили женихом и невестой! Через год, 19 апреля, мы поженились.

..Вернусь немного назад. Хочу вспомнить, как я впервые попала в Мураново, еще не будучи женой Николая Васильевича.

Мураново. Первые впечатления. 1938 год

Впервые я попала в Мураново 7 марта 1938 года. «Как там хорошо, уютно и спокойно, день пролетел так быстро», — записала я в дневнике.

В Ашукино нас встретил Пушкин-возница на розвальнях. Мы сели в душистое сено, и нас укрыли тяжелым красным сукном.

В тот день 7 марта он быстро довез нас до Муранова. Мы сразу попали во флигель, где жили Пигаревы: Екатерина Ивановна Пигарева (внучка Ф.И. Тютчева) и ее дети, Ольга, Кирилл, Николай. Там же жила ее сестра, Софья Ивановна Тютчева. Их брат Николай Иванович Тютчев (директор музея) жил в здании музея. Екатерина Ивановна и Софья Ивановна встретили нас в передней просто и приветливо. Они были непохожие друг на друга сестры. Екатерина Ивановна высокая, худая, в длинной до пола, черной юбке, в белой блузке со стоячим воротничком, с пышно взбитыми наверх волосами, заколотыми гребнями. На шее несколько цепочек, одна из которых из черного дерева в виде барбарисовых косточек. Двумя пальцами правой руки она беспрестанно перебирала цепочки. Этот жест очень для нее характерен. На руке обручальное кольцо. На ногах черные туфли без каблуков. Обращала внимание ее необычайная аристократическая походка параллельно поставленными ногами носками вперед, исключавшая претензии на красоту. Николая она называла Николушкой, Кирилла — «Кирилл, друг мой», говорила немного нареспев. В выражении ее лица мелькало что-то вопросительное и страдающее.

Татьяна Ивановна Пигарева с сыном Иваном, Ольга Васильевна Пигарева, Екатерина Ивановна Пигарева. 1942.
Фотография А.П. Соколова

Софья Ивановна казалась значительно старше, полная, грузная, с резкими чертами лица, большим орлиным носом, великолепными белыми волосами, также взбитыми наверх и заколотыми гребнями. Она выглядела очень нарядной в лиловом костюме с пышным кружевом у ворота и цепями на шее. Ее помпезный вид внушил мне робость, но очень быстро я ощутила ее абсолютную простоту и даже нарочитую грубоватость, которую она как бы подчеркивала. Мне казалось, что это было стремление приблизить себя к окружающим. Простота Екатерины Ивановны всегда оставляла дистанцию между ней и другими, даже близкими ей людьми. Познакомившись и выпив кофе, мы пошли в музей. В одном из залов мы встретили экскурсию в сопровождении невысокого человека в пенсне. Николай Васильевич мне сказал:

— А вот и директор.

Это слово «директор» я восприняла с полным равнодушием и, поздоровавшись, прошла в другой зал. Только вернувшись обедать, я по-

няла, что директор — это дядя Николая Васильевича, Николай Иванович Тютчев, внук поэта, человек, который создал музей и воспитал детей Екатерины Ивановны, заменив им отца. Впоследствии я очень любила Николая Ивановича и очень благодарна за его отношение к себе и детям.

Первое впечатление оказалось сложным. Я была подготовлена к встрече с этими людьми моей теткой, которая была хорошо с ними знакома, очень гордилась этим и, очевидно, только себя считала достойной этого знакомства. Я очень боялась их высокомерия, церемонности, презрения к «простым», о котором твердила моя тетка. Я знала о том, что все они занимали высокие должности при дворе. Екатерина Ивановна и Софья Ивановна были фрейлинами. Софья Ивановна к тому же воспитательница царских детей: Татьяны, Анастасии, Марии и Ольги. Николай Иванович — церемониймейстер двора. Глядя на него, я была уже нагружена представлениями о нем, которые на самом деле

вовсе не соответствовали действительности и мешали моему настоящему восприятию, учитывая, что мне было только 18 лет. И все же мои записи в дневниках того времени очень близки к правде.

Николай Иванович — небольшого роста, с умным интеллигентным лицом, с яркими голубовато-серыми глазами, прикрытыми пенсне, чисто выбритое лицо, хитроватая улыбка на губах, гладко выбритая голова. Если же он долго не брился, на ней появлялась поросль седых волос. Это могло случиться, только если он болел. Очень выразительны были пальцы его рук: сильные и изысканные. Особенно это бросалось в глаза, когда он раскладывал пасьянс. На руках он носил массивные кольца. Одно кольцо с печаткой, похожее на мasonicкое. Костюм его домашний был очень прост: черные в полоску брюки и тужурка со стоячим воротником, а нарядный костюм с белой накрахмаленной рубашкой с грудью в мельчайшую складочку был очень элегантен. Надо сказать, что, в чем бы он ни был одет, он всегда был очень аристократичен и элегантен. Я заметила сразу, что Николай Иванович так же, как и остальные обитатели Муранова, нисколько не соответствовал описанию моей тетки. Наоборот, в нем не замечалось никакого барства, самодовольства или пренебрежения к окружающим. Он не только не ждал с ехидством, что я буду есть не той ложкой, как это предсказывала моя тетка, но держал себя с такой простотой и доброжелательством, что я сразу почувствовала себя спокойно. Он обладал чувством юмора в той спокойной и серьезной манере, при которой он сам смеялся редко, смеялись мы, и это создавало атмосферу веселья и искренности. Вообще, говорил он мало, имел годами устоявшиеся привычки, и ритуал играл очень большую роль в его жизни и жизни всего Муранова.

С первой моей встречи с Мурановым я почувствовала роль каждого в этой семье. Николай Иванович, которого все звали «дядюшка», являлся главой всей семьи фактически. Вся жизнь Муранова определялась его привычками, желаниями и возможностями. Он жил отдельно на втором этаже музейного дома, где о нем пеклась Анна Матвеевна, бывшая горничная, выросшая в доме. Это была чудесная легенькая старушка с очень своеобразным характером, которая заботливо и зорко охраняла порядки, заведенные в доме ранее. В белом накрахмаленном фартуке и наколке она несла по утрам на маленьком подносе кофе наверх Николаю Ивановичу так, как это полагалось сто лет назад.

Во флигель, где жили остальные обитатели Муранова, дядюшка приходил обедать и ужинать, оставался раскладывать пасьянс и слушать вечернее чтение.

И хотя фактически главной персоной в Муранове являлся дядюшка, более всего внимания сосредотачивалось вокруг Екатерины Ивановны — «мама», как звали ее дети. Николай Васильевич называл ее «мамаша» с некоторым от-

тенком шутки. Вокруг «мама» суетились все проживающие в доме. Ко времени моего появления в доме посторонних уже не было, жила лишь одна Елизавета Александровна Шредерс — воспитательница детей, которая так и осталась в этой семье до смерти. В Москве она жила в квартире Николая Ивановича и большую часть времени проводила в Муранове.

Елизавета Александровна «обожала» мама и с утра бежала узнать, хорошо ли она спала и что хочет пить и есть. От нее мы узнавали, что у «мама» болит голова, и тогда все ходили на цыпочках. Обхаживала «мама» и тетушка Софья Ивановна: низким голосом, с присущей ей грубоватостью, она как бы говорила сама с собой: «Мамаша опять не спала ночью» — и пожимала плечами. Если же мама спала ночью, то Елизавета Александровна несла ей кофе, пока она еще лежала в постели.

Если Екатерина Ивановна являлась предметом обожания и поклонения, то Софья Ивановна, скорее, наоборот. Ее суровая честность, привычка все называть своими именами, не щадя никого, настоящая демократичность (вся деревня Мураново училась и лечилась у тетушки) вызывали явное неодобрение Екатерины Ивановны и Николая Ивановича. Возглас Екатерины Ивановны: «Софа, ну что ты говоришь?» — постоянно был обращен к Софье Ивановне. На что та спокойно отвечала:

— Говорю то, что есть на самом деле. — И пожимала плечами.

И все же, чтобы быть справедливой, скажу, что, прожив в этой семье почти 25 лет, я могла уже достаточно тонко разобраться в психологии этих людей и думаю, что неодобрение Екатерины Ивановны и Николая Ивановича возникло не потому, что тетушка была пряма, честна и демократична, а потому, что, обладая более ярким темпераментом, она часто выходила за пределы границ, установленных всей предыдущей жизнью этой семьи, своеобразными понятиями чести и приличий.

Тетушка быстрее, легче и безоговорочнее перешла за рубеж революции. Думаю, что именно эта ее «универсальность», умение стойко переносить все превратности судьбы и прочно стоять на ногах определили в свое время выбор царской семьи ее в качестве воспитательницы. Воспитывали царских детей очень строго, сурово и требовательно, о чем напишу отдельно со слов Софьи Ивановны.

Екатерина Ивановна

Екатерина Ивановна рано лишилась мужа. Василий Евгеньевич умер от болезни почек. Она осталась с маленькими детьми, совершенно не приспособленная к жизни. Жили они тогда в Собиновском переулке, где на первом этаже находилась квартира Екатерины Ивановны, а на втором — квартира Николая Ивановича. После революции, в 1920 году, они переехали в Мураново.

Екатерина Ивановна жила во флигеле, который построили для ее бабушки Эрнестины Федоровны Тютчевой, не любившей большого дома.

Николай Иванович стал директором музея и взял на себя заботу о семье, доме, детях. Не легко сложилась их судьба, не потому, что им было трудно материально и физически. Многого они не умели и не делали до революции, и не легко было к этому приспособиться, но главная трудность заключалась в психологической несовместимости очень многих понятий и представлений. Не потому, что они не приняли революции. У них не было никакого ожесточения или протеста против нового порядка. Я бы сказала, — не было просто до удивления. Казалось, люди потеряли все свое благополучие, жили крайне скромно, но я никогда не слышала ни осуждения, ни возмущения, ни тем более злопыхательства в этой семье.

Все дети воспитывались честными и добросовестными. Это прививалось им с детства. Все были очень патриотичны. Это особенно сказалось во время войны. Тогда мы жили в Муранове и подолгу не знали, что происходит на фронтах. Питались случайными слухами, ужасно всего боялись. Я однажды (для успокоения) сказала:

— Может быть, немцы не такие уж страшные, как говорят.

Екатерина Ивановна, никогда не повышавшая голоса, в гневе затопала ногами и закричала на меня:

— Как ты можешь говорить такие вещи, это наши враги и не немцы, а фашисты!

Я тогда, наверное, впервые почувствовала, какое это страшное слово «враги». Никто из проживающих в Муранове не допускал мысли о возможности прихода немцев без ужаса и содрогания. Даже немецкое происхождение бабушек и дедушек не смягчало этого отношения.

Екатерина Ивановна получила типичное дворянское домашнее образование. Кроме знания общеобразовательных предметов она владела многими иностранными языками, увлекалась астрономией, пела, играла на фортепиано, прекрасно знала русскую и иностранную литературу. Она очень любила Тургенева, особенно «Дворянское гнездо», говорила, что это ее любимое произведение. Любила и хорошо знала искусство. Широке и глубине ее образования можно было только позавидовать. По этому поводу расскажу один случай.

Серьезно заболев, она попала в больницу. Там медсестра, заполняя ее лечебную карточку, задавала вопросы:

- Образование высшее?
- Нет, — ответила Екатерина Ивановна.
- Среднее?
- Нет.
- Семь классов?
- Нет.
- Ну сколько-нибудь классов окончила?
- Нет.

— Ну так и запишем: неграмотная.

Екатерина Ивановна была очень нервной, но крайне сдержанной. Обладала редкой выдержкой. Свое отношение к внешнему миру выражала очень скупое. Во всем была рациональна, и разум у нее преобладал над чувствами. Этому способствовало и воспитание, которое предусматривало для человека тяжелый, тернистый путь преодоления препятствий, лишений, невзгод. В тяжелой жизненной борьбе должен окрепнуть дух. Человек должен приобрести стойкость, терпение, выдержку, умение приносить пользу, быть верным чувству долга.

Будучи человеком цельным, чистым, бескомпромиссным, она такой же оставалась в своих увлечениях.

Все, что не соответствовало ее взглядам, она отрицала. Ей казались чужды и непонятны коммунистические принципы. Все коллективное ее угнетало. Она говорила, что никогда не могла бы жить вместе с кем-то и все делать сообща, что ее отдельная комната, возможность быть одной, жить и поступать самостоятельно, является для нее жизненной необходимостью. В иной обстановке она бы погибла. Я не сомневаюсь в правдивости ее слов.

Она не признавала и не верила во всеобщее равенство и всеобщую любовь. Говорила, что теоретически это прекрасно, но, так как практически это невозможно, не надо тратить время на иллюзии, а лучше в это время сделать что-нибудь полезное.

Этим она в корне отличалась от своей двоюродной сестры Ксении Николаевны Алексеевой (Боратынской), которая как раз верила во все эти иллюзии, мечтала жить в общежитии, спать на нарах, все делать сообща и любить весь мир.

Екатерина Ивановна говорила, что Алексеевы все прекрасные люди, но неисправимые идеалисты.

Екатерина Ивановна имела способность любить до обожания. Она обожала своего отца Ивана Федоровича Тютчева, своего мужа Василия Евгеньевича Пигарева и до болезни тяжело пережила смерть обоих. Екатерина Ивановна очень любила своих детей, особенно Кириллу. Он по своему складу был более всех ей близок. Мы все знали, что мама обожала папу и, отдавая дань этому большому чувству, в тайне немножко подсмеивались.

Религиозность они сохранили до конца своих дней без истовости и фанатизма. В ней выражалась их внутренняя потребность, о которой никогда не говорили. Потеря прочной материальной основы не вывела их из равновесия. Они стойко переносили лишения, жили очень скромно и не считали себя несчастными по этому поводу. Потери близких людей в годы репрессий так же, как и все остальные, переносили они очень тяжело.

Происходящие события порождали глубокую скорбь. Не было ни осуждения, ни ненависти, а только молчаливое терпение и сочувс-

твие к ужасной судьбе совершающих преступления.

Отправляя старуху Рыженкову в церковь с рублем для поминовения усопших родных и знакомых, Екатерина Ивановна регулярно вписывала Иосифа (Сталина), мотивируя это тем, что грехи его ужасны и уж его-то никто не помнит.

Интересным и неожиданным являлось для меня отношение к ее деду-поэту. Он, несомненно, признавался хорошим поэтом, однако это не давало ему права вседозволенности. Екатерина Ивановна не притерпелась к поговорке: «Победителей не судят». Правда, никто его не осуждал, но предпочтение в любви отдавалось его второй жене («бабушке»), Эрнестине Федоровне Тютчевой, о которой вспоминали с нежностью и любовью. Говорили, что она была необычайно хороша в старости. Очень элегантная старушка с быстрой и легкой походкой. Ее фигура производила впечатление воздушной. Она была приветлива и добра. Отсутствие мелочных обид подтверждалось ее поступками. Так детям поэта, которые не могли быть им усыновлены, она отдавала свою пенсию. Екатерина Ивановна рассказывала о бабушке с любовью, уважением и восхищением. Мне всегда казалось, что для нее оказалось бы радостнее, если бы ее дед не был поэтом, но был бы достоин ее похвалы с позиций высокой нравственности. Нужно заметить, что такую же точку зрения имели и их родственники со стороны поэта Боратынского. Гордость семьи составлял совсем не поэт, а его потомки, щедро отдававшие свое духовное богатство окружающим. Они занимались просветительством до революции и не утратили этих традиций после нее.

Это очень интересное наблюдение. Оно приводит на мысль о совершенно иной системе ценностей, чем та, которая существует теперь.

Софья Ивановна

Слушать Софью Ивановну я любила более всего. Много она рассказывала о своей жизни при дворе. Там она имела казенную квартиру и питание. Жила Софья Ивановна при девочках во дворце, но питалась самостоятельно, у себя дома, так как еду царей находила отвратительной, однообразной и очень невкусной.

Ее воспитанницы часто прибегали к ней есть что-нибудь вкусное!

Воспитывали детей очень строго, особенно наследника, для которого не делали никаких снисхождений, невзирая на его тяжелую болезнь. Все занимались гимнастикой (в специальном гимнастическом зале), верховой ездой, плаванием, греблей. Наследник занимался стрельбой и фехтованием, кроме того, участвовал в парадах, военных смотрах, утомительных и длительных приемах, церковных службах.

Девочки учились музыке, пели, шили, вышивали, постигали нелегкую науку поведения и ритуалов для высочайших особ.

Они проходили обычную школьную программу (классные уроки). Всем детям внушалась мысль, что они не принадлежат себе, их жизнь должна быть посвящена народу и благополучию страны, они не могли выражать своих чувств и желаний, не было понятия «хочу», а только «нужно».

Рассказывала Софья Ивановна о тяжелейшем ритуале выстаивания церковных служб, покинуть которые невозможно ни по какой причине. Однажды она во время обедни почувствовала себя плохо, поняла — может упасть. Она знала, что уйти нельзя и, помертвев, ожидала полного скандала. Она вспомнила: я стала молиться: «Господи пронеси... и пронесло — я не упала». Помню, как она рассказывала это С.Н. Дурылину.

Вспоминала Софья Ивановна о крушении царского поезда, в котором ехала вместе с царским семейством. Их вагон не пострадал в силу какой-то невероятной случайности. Пострадавших было много. Софья Ивановна и императрица с детьми не покинули поезд, оказывая помощь раненым, пока все не были отправлены в больницы. Софья Ивановна отдавала должное девочкам, которые не испугались и проявили выдержку и мужество, оказывая помощь пострадавшим. Отмечала она различие характеров великих княжен и далеко не всегда была ими довольна.

Софья Ивановна обладала суровым характером, бескомпромиссным в вопросах совести. Появление при дворе Распутина вызывало у нее возмущение и отвращение. Распутин чувствовал это и старался ее избегать. Софья Ивановна сама подала в отставку и, конечно, не потому, что страшилась Распутина.

Когда Николай II пригласил Софью Ивановну и спросил ее, чем вызвано ее желание покинуть двор, она ответила с присущей ей прямоотой:

— Ваше Величество, я воспитываю ваших дочерей и причаю их говорить правду. Их вопросы ставят меня в безвыходное положение: я должна или говорить им неправду, или выражать неодобрение к поступкам их матери. Для меня невозможно ни то, ни другое.

— Я принимаю вашу отставку, — помолчав, сказал государь. Он выразил сожаление, что так случилось, высказал благодарность Софье Ивановне за честную и достойную службу.

Софья Ивановна оставила двор, понимая, что не в состоянии оградить своих воспитанниц от влияния Распутина.

Софья Ивановна никогда прямо не выражала своего отношения к членам царской семьи. Но мне казалось, что в ее рассказах можно было уловить равнодушно-сочувствующее отношение к государю, неприязнь к императрице и жалость к детям, безусловную любовь и восхищение к Великой княгине Елизавете Федоровне.

Однако, я подчеркиваю, что это чисто субъективное и чисто внешнее ощущение, ибо у этих людей существовало, воспитанное веками, своеобразное представление о чести, заставля-

ющее никогда не обнаруживать своего отношения и тем более своих чувств.

В отношении к событиям при дворе и к придворным кругам у Софьи Ивановны сложилась своя четкая и бескомпромиссная точка зрения. Очень вероятно, она складывалась не всегда в соответствии с действительностью.

Я не назвала бы Софью Ивановну беспристрастной, скорее, наоборот: в ней преобладало все личное. Ее отношение ко всему складывалось только через ее взгляды. Она была сильным человеком, и в ее привычки не входило прислушиваться к чужим точкам зрения. Она их решительно отменяла.

В ее рассказах я стремилась сохранить главную суть и форму изложения, присущие ей.

Ее родственники, Екатерина Ивановна и Николай Иванович, далеко не всегда соглашались с ее высказываниями, обвиняя ее в пристрастии, преувеличении и неточности.

Софью Ивановну это нисколько не смущало. Она стойко оставалась на своих позициях.

Совершенно очевидно, что пребывание при дворе требовало большой дипломатичности, которой начисто была лишена Софья Ивановна. Более того, она просто ее не признавала.

«Говорю то, что считаю нужным», — главный лейтмотив ее высказываний.

Отсюда можно сделать вывод, что ее точка зрения сугубо индивидуальная и именно поэтому особенно интересная.

Кирилл Васильевич

Из родственников моего мужа (Николая Васильевича) ближе других был нам его брат Кирилл Васильевич.

Я познакомилась с Кириллом Васильевичем в квартире в Собиновском переулке, где жили все дети Екатерины Ивановны — Николай, Ольга и Кирилл.

Туда я была приглашена в гости, будучи невестой Николая. Кирилл показался мне более взрослым и старомодным, чем Николай, и по чертам лица, и по характеру поведения. Однако это впечатление очень скоро совершенно исчезло. Кирилл Васильевич заразительно смеялся, увлеченно и азартно играл в любые игры, самозабвенно перевоплощался в кого угодно в шарадах! С искренностью ребенка лалял, мяукал и прыгал как лягушка, легко пуская на любые шалости. В семье Пигаревых я оказалась самая младшая по возрасту и очень озорная по складу. Это способствовало нашей дружбе с Кириллом, но и порождало такие же азартные споры. Иногда мы спорили по несколько дней как по глупостям, так и по серьезным вопросам. Кирилл принимал близко к сердцу все наши жизненные проблемы и умел спокойно и очень добродушно улаживать возникающие шероховатости. Казалось, это, скорее, подходило бы Ольге, но она была человеком совсем другого склада. В ее натуре выявлялось что-то очень взрослое, меланхолически-уравновешенное и более

холодное. Я любила Ольгу и благодарна ей за помощь и заботу, которую она проявляла к нашей семье. Я понимала, что она очень хороший и порядочный человек, но без искренности, открытости, тепла и юмора, свойственного Кириллу. К тому же Кирилл был очень беззащитным, его открытая и добрая душа определяла его поведение неискушенного ребенка. Именно это заставляло относиться к нему очень осторожно, как к ребенку, которого боишься обидеть. Николай и Кирилл были очень дружны. Ольга покровительствовала обоим и самоотверженно помогала им.

Никогда не покидая Муранова, Кирилл оставался очень домашним и не приспособленным к жизни. На самом деле это, скорее, создавалось искусственно Екатериной Ивановной, которая очень болезненно переносила разлуку с детьми и стремилась их никуда не отпускать от себя, особенно Кирилла. Он получил домашнее образование и учился только на высших литературных курсах. Свои труды с большим трудом печатал с помощью друзей и дядюшки. В работе был очень добросовестным и ответственным. Во всех его исследованиях подкупает достоверность. Основными темами его работ было творческое наследие Тютчева. Круг его интересов сначала казался мне ограниченным: так он почти никогда не посещал концертов, театров, выставок, никуда не ездил, не занимался спортом. Однако все это не зависело от его воли. Екатерина Ивановна проявляла свою волю и свое желание иметь Кирилла всегда рядом с собой, а он не мог этому противостоять. Когда мы с Николаем поженились и он переехал жить к нам в Москву, мы постоянно ходили в консерваторию, театры, ездили на дачу, ходили на лыжах. Иногда мы увлекались с собой Кирилла. Вот тогда я убедилась в том, с каким огромным удовольствием воспринимал он эти выезды. Все радости, которые он получал, он воспринимал как дар Божий.

Я не могу сказать, что жизнь Кирилла Васильевича сложилась очень счастливо. Были на его пути и большие сложности, и просто житейские неприятности. Но никто бы никогда не назвал его несчастным. Он очень стойко переносил невзгоды, не акцентируя на них внимание, значительно преувеличивая радости. Эта черта свойственна всем обитателям Муранова.

Я всегда оценивала Кирилла как человека безвольного. Так ли это на самом деле, я не могу решить до сих пор. В какой-то степени это так, но, возможно, от неправильной оценки причин. Во многих случаях его нерешительность вызывала у меня протест и возмущение, но всегда за этим вставало что-то другое и, скорее, обратное. Казалось, что эти шаги продиктованы именно его волей, хотя и проявленной вопреки пользы для себя. В других случаях они были продиктованы неспособностью Кирилла нарушить привычные стереотипы.

Как я уже писала, традиции, привычки, уклад жизни наложили свой отпечаток на всех жителей Муранова. Они создали определен-

ные рамки, за пределы которых выходить оказалось для Кирилла просто невозможно.

Отношение к жизни у Кирилла Васильевича было таким простым, что порою выглядело просто примитивно. Я часто задумывалась над тем, не откладывает ли это отпечаток на его литературную деятельность. Однако его исследования с каждым годом вызывали все больший интерес, а его докторская диссертация о Фонвизине была просто блистательна. Я очень долго находилась под впечатлением его защиты и его концепций, глубоких, неожиданно новых и необычайно интересных. Тогда мне стало очевидно, что простота — это не примитивность, а бесценный дар, искусство.

Николай Иванович

Яркой чертой характера Николая Ивановича являлась дипломатичность. Дипломатичность в обычной жизни, в сфере его деятельности, в общении с людьми. Он очень спокойно, но достаточно активно устраивал свою жизнь и жизнь своих близких, достигая при этом максимально желаемых результатов.

В Муранове он жил всегда отдельно и более всего охранял свою независимость и непричастность к домашним делам и проблемам. Он был всегда сдержан и доброжелателен. Очень умело поддерживал знакомства, от которых имел большую пользу. Был достаточно щедр, но без ущерба для себя и семьи, к своим вещам бережлив.

В работе был очень аккуратен, исполнительен и требователен к другим так же, как к себе. Он любил семью, сестер, племянников, особенно Кирилла, который всегда оставался его первым помощником во всем.

Когда дядюшка приходил во флигель, казалось, что он занят собой и своим пасьянсом, но он видел все и проявлял большую заботу об окружающих.

Когда у нас с Николаем родился первый сын, мы жили во флигеле, где распорядок дня не совпадал с режимом ребенка, и мне приходилось с большим трудом принараиваться к нему.

Дядюшка настоял на том, чтобы я переехала в музейное помещение, где мне помогала Анна Матвеевна, служащая музея, бывшая горничная дядюшки. Не раз в нашей жизни возникали труд-

ности и порой очень серьезные (особенно в военное время), и всегда дядюшка приходил нам на помощь. Он помогал всем и практически содержал всю семью.

Николай Иванович проявлял большую заботу о Екатерине Ивановне; отношение к ней было покровительственное, как к человеку, нуждающемуся в защите и поддержке. К Софье Ивановне он относился иначе, как к равному другу, не нуждавшемуся в снисхождении.

Если от Екатерины Ивановны скрывали все, что могло ее волновать, то Софья Ивановна находилась в курсе всех событий.

Николай Иванович очень любил внуков. Первым ребенком в Муранове был наш сын — Иван, маленький Ивашка, которого все очень любили. Николай Иванович много с ним возился, приходил к нам и утром, и вечером, брал его к себе, безмерно им восхищался, гулял с ним, проявлял удивительную нежность и заботливость, нередко демонстрируя его даже посетителям музея.

Когда появились другие внуки, Николай Иванович был очень нежен и к ним, всегда проявлял о них большую заботу.

Во время войны, когда немецкие части приблизились к Муранову, военные потребовали нашего отъезда, но старшие обитатели нашего дома наотрез отказались от этого, предпочитая умереть в доме, где они прожили всю жизнь. Более всего настаивали на вывозе ребенка. Это активно поддержал Николай Иванович. Я с запасом сухарей, воды, вещей для Ивашки ждала своей участи, «сидя на мешке». В случае, если бы военные действия разверну-

лись на территории музея, я с Иваном должна была уйти к расположению наших войск.

К счастью, близкое соседство немцев ограничилось отдельными перестрелками и расстрелами из самолетов с черными крестами. Их передвижение остановили, и началось отступление.

Николай Иванович спокойно и расчетливо осуществлял руководство всей жизни в Муранове, и именно ему обязаны все сохранением музея и выживанием.

Татьяна Ивановна Пигарева. 1942.
Фотография А.П. Соколова

*Публикуется
в сокращении.
Подготовка
рукописи к печати
Е. Потановой
и А. Фролова*